

Людмила Шарга

Из цикла «Набело»

Чуть севернее...

Чуть севернее – чуть медлительней.
Еще каких-нибудь верст двести
до станционного смотрителя
на старом маленьком разъезде,
где раньше было и наряднее,
и как-то ближе и роднее...
Чуть севернее – чуть прохладнее,
чтоб не сказать, что холоднее.
Кому-то – сон,
а мне – бессонница,
смотреть в окно и мимо ехать:
вот здесь была когда-то звонница,
теперь осталось только эхо.
Размыты ледяными ливнями
черты берестяных скрижалей...
А помнишь, на Николу Зимнего
какие тут снега лежали!
Луна всходила.
Ветер всхлипывал.
Зима сорила жемчугами...
Мы в церковь шли,
и чуть поскрипывал
снежок под нашими ногами.
И Бересна*, речушка черная,

---

* Полное название речки – Черная Бересна.

промерзшая до дна – дремала,
и санная дорога торная
тогда еще не пустовала.
Дубы серебряными гриднями
меж сосен высились поджарых,
и было видимо-невидимо
берез и молодых, и старых.
На мудреца довольно всякого
и простоты, и удивления:
теперь здесь чужестранки-сакуры
промеж черемух и сирени,
где эхо звонницы от храма...
и все теплее и теплее.
И как берестяные грамоты –
березы в сумерках белеют.

Набело

Набело – значит – не было
черновиков горящих.
Кто-то метафор требовал –
образов настоящих.
Кто-то над рифмой корчился –
чтобы не так избито...
Выпишешь – обхохочешься –
прожито-пережито.
Сеяно-пересеяно,
зерна от плевел – с боем,
наедине со всеми, но
наедине с собою.
Набело – значит – коротко
и до предела сжато,
жало тугого ворота
сжалилось – мир расшатан.
Кровушка ль ночью... капала,
сукровица-водица ль.

Дождь ледяной накрапывал.
Слово.
Строка.
Страница.
Но, соблюдая правила,
к точке zero готова:
набело – значит, набело.
Буквица – Образ – Слово.

*

Мы вряд ли когда-нибудь станем взрослеть,
извечные странники –
вечные дети.
Какое бы ни было тысячелетье,
и что там – за окнами –
прозелень, медь,
оскомину в рифме набившая просинь;
мы детские сны и надежды – отбросим,
но неопалима надежд купина...
И снова – дорога,
и мы – у окна,
подолгу, неясной тоскою влекомы,
прижавшись стоим к крестовине оконной –
и видим нетканую гладь полотна,
ведущую в храм – в златоглавую осень.
Молитву творя, на прощанье попросим
ночлега в пути у огня и вина,
и затемно выйдем – еще до рассвета –
не зная, куда и зачем в этот раз,
не зная, что было,
что будет,
что спето
и сказано кем-то задолго до нас.
Мы затемно выйдем.
Мы снова в пути,
усталые странники –

вечные дети.
Какая там разница – что впереди,
что было когда-то,
что будет на свете.
Дорога – вестимо,
дорога одна.
Но неопалима надежд купина.

*

Переболеть зимой...
Не обессудь.
Мне наши зимы кажутся недугом.
Я – стрелка.
Я по замкнутому кругу
не время – бремя времени несу.
Переболеть зимой.
Перемолчать.
Разбить две-три любимые тарелки...
Я маленькая часовая стрелка –
хранящая молчания печать.
Под утро ветка постучит в окно –
все вечера теперь уходят в утро,
минуя ночи.
Как печально, мудро
писал Эккlesiаст давным-давно
о жизни – что подобие ярма,
что камни собирать приходит время,
что... он ни в чем, что пишет... не уверен;
ученье – тьма,
и неученье – тьма.
Он обращался к сердцу своему:
приди ко мне, поговорю с тобою.
И я беззвучно вторила ему:
Приди.
Я ни божбой –
ни ворожбою

тебя не растревожу – исполать.
Молчало сердце.
Плакал мальчик.
Ветер...
А мальчик... он не юн,
и он – не Вертер.
Но вот – к несчастью – обречен страдать
и спрашивать: что... скоро ли зима?
Я отвечаю: непременно – будет
и выстудит печаль,
и боль остудит,
и радости отсыплет – задарма.
Он засыпает, и в недолгом сне
его печали засыпает снег...

*

Так легко писалось этой ночью,
набело – без пауз-проволочек,
будто кто водил моей рукой,
и слова ложились на бумагу,
и казалось – шаг,
или полшага –
до того как обрету покой.
Так душа легка была, так пела.
В законном мире жизнь кипела,
и калейдоскоп земных страстей
складывал извечные узоры:
там ходили строем,
пели хором
под сюжет последних новостей.
И, наверно, лучше петь могли бы...
Но опять неверно сделан выбор.
Там – «что делать»,
там – «кто виноват»...
И смеялась женщина визгливо.
Розы после щедрого полива

щедро отдавали аромат.
Так легко писалось этой ночью,
ни отточий и ни многоточий –
обретало слово плоть и звук –
спал журавль рядышком с синицей –
доносилось пенье темной птицы
и колес вагонных перестук.
Истончалось время, истекало,
плыл восток, мерцая ало-ало,
прокричали третьи петухи.
Вот и утро.
Автор выпьет яду –
автору не так уж много надо –
он опять возьмется за стихи.

